

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: события, оценки, прогнозы

ISSN 2587-7518

Выпуск 54(70)
2019

СОДЕРЖАНИЕ

**ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ – НАТО:
ДЕГРАДАЦИЯ ИЛИ РЕВИТАЛИЗАЦИЯ?**
Сергей Ознобищев

**УКРАИНСКИЙ КРИЗИС:
ЕСТЬ ЛИ СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ?**
Юрий Никуличев

**ВОСТОЧНАЯ ГЕРМАНИЯ:
30 ЛЕТ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ**
Лариса Шаншиева

**ЧЕШСКИЕ ПОЛИТИКИ И ГРАЖДАНЕ
О ЧЛЕНСТВЕ СТРАНЫ В НАТО**
Юлия Щербакова

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИИОН РАН)

ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ – НАТО: ДЕГРАДАЦИЯ ИЛИ РЕВИТАЛИЗАЦИЯ?

Сергей Ознобищев,

*заведующий сектором военно-политического анализа
и исследовательских проектов ЦМБ ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова*

Аннотация. В статье представлен анализ состояния современных отношений России и НАТО / Запада, тесно связанных с процессом контроля над вооружениями в Европе. На основе анализа военно-политической ситуации и предпринятых сторонами мер по усилению военных потенциалов на границе соприкосновения России и НАТО (что в свою очередь связано с украинским кризисом), делается вывод об определенной сдержанности сторон в этой области. Представляется, что выход из нынешнего глубокого кризиса в сфере контроля над вооружениями, включая и регион Европы, обусловлен не невозможностью разрешения военно-технических проблем на пути соблюдения соглашений, а отсутствиемальной политической воли для поиска компромиссов.

На основе анализа действий России и НАТО последнего времени делается вывод о начавшемся продвижении на пути к восстановлению взаимодействия и сотрудничества.

Ключевые слова: контроль над вооружениями; кризис; Россия – НАТО; сдержанность; диалог.

Keywords: arms control; crisis; Russia – NATO; restraint; dialog.

Контроль над вооружениями – кризис на грани катастрофы

Последней по времени жертвой балансирующих на грани деградации отношений России и Запада стал Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Развал Договора произошел вследствие невозможности разрешить взаимные претензии относительно соблюдения достаточно второстепенных технических ограничений. При нормальных рабочих отношениях сторон это могло быть сделано достаточно оперативно, что и происходило неоднократно в ходе переговоров в прошлом¹.

На этот счет можно привести авторитетное мнение Анатолия Антонова – опытного «переговорщика», который с российской стороны возглавлял переговоры по заключению «пражского» Договора по стратегическим наступательным вооружениям (ДСНВ) 2010 г. В своем интервью в начале 2018 г. А. Антонов – в настоящее время посол РФ в Вашингтоне – заметил, что Россия и США в

¹ Автору этих строк довелось принимать участие в переговорах по Договору об обычных вооруженных силах в Европе в 1989–1990 гг.

состоянии урегулировать взаимные претензии, относящиеся к выполнению Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД)². Однако при дефиците шагов, направленных на реальное разрешение кризиса, в современной политике возобладало искушение использовать возникший повод для мультилицирования взаимных обвинений.

Следует, однако, признать, что, несмотря на последовавший по инициативе США развал Договора, самый негативный сценарий для России – перспектива развертывания ракет средней и меньшей дальности в Европе не претворяется в жизнь. Есть основания полагать, что в случае, если «планка» отношений Москвы и стран Запада не упадет ниже современного уровня, подобный сценарий не будет осуществлен и в будущем. Об отсутствии планов развертывания РСМД в Европе заявляли официальные представители США. О нежелании «развертывать новые наземные ядерные ракеты в Европе» также неоднократно говорили и высокопоставленные официальные представители НАТО, включая ее Генерального секретаря³. Россия, со своей стороны, выступила с предложением о взаимной сдержанности, взяв на себя обязательство не размещать ракеты средней и меньшей дальности «до тех пор, пока в том или другом регионе мира не появятся соответствующие ударные системы американского производства»⁴.

Налицо сдержанность сторон и в контроле над обычными вооружениями в Европе (КОВЕ). Согласованные в свое время (в рамках Соглашения об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе⁵) для каждой страны «индивидуаль-

² Посол России в США ожидает от Вашингтона разъяснений по новой ядерной доктрине // Коммерсант. 3 февраля 2018 г. – <https://www.kommersant.ru/doc/3539822>

³ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meetings of NATO Defence Ministers. February 2, 2019. – https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_163394.htm

⁴ Совместная пресс-конференция с Президентом Финляндии Саули Ниинистё. 21 августа 2019 г. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61349>

⁵ Принятое на саммите ОБСЕ в Стамбуле в 1999 г. Соглашение об адаптации ДОВСЕ так и не было ратифицировано после продолжительных переговоров. В 2015 г. Россия «полностью приостановила» свое участие в ДОВСЕ, не выходя из него формально.

ные» предельные уровни вооружений, как оказалось, реально не «заполняются» ни странами НАТО, ни Россией¹. Это говорит о том, что на фоне декларативных обвинений в адрес друг друга в нагнетании напряженности, стороны не собираются мобилизовывать свои военные потенциалы для вооруженного противостояния и тем более – для ведения военных действий.

В контексте тезиса о взаимной сдержанности сторон следует также отметить, что после принятого в 2016 г. Варшавским саммитом Альянса решения о развертывании в странах Балтии и Польше четырех батальонных тактических групп НАТО вблизи российской границы не происходит размещения новых воинских формирований блока и не растет численность развернутых сил (хотя и продолжают приниматься решения о повышении «боеготовности» Альянса). Сама схема дислокации этих подразделений строится на достаточно затратной для Альянса ротационной и временной основе, что соответствует букве принятого сторонами в 1997 г. Основополагающего акта Россия – НАТО.

Следует обратить внимание и на то, что в Заключительном документе Брюссельского саммита НАТО 2018 г. было зафиксировано, что в «усиленном присутствии в передовом районе» четырех батальонных тактических групп задействовано в общей сложности 4,5 тыс. военнослужащих², т.е. примерно одна бригада. Тем самым, в документе подтверждается цель приверженности предлагавшемуся ранее Россией в ходе обмена мнениями в рамках Совета Россия – НАТО пониманию важного положения Основополагающего акта Россия – НАТО о том, что безопасность не должна обеспечиваться «путем дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил»³, для чего Москва предлагала установить количественный лимит, равный именно бригадному уровню.

При желании под предлогом украинского кризиса и военной активности России в зоне ее западных рубежей руководство блока могло бы развернуть гораздо более масштабную, чем в последние годы, кампанию военного «сдерживания» России. А учитывая настроения политических элит стран Балтии и Польши, на территории этих стран могли бы быть развернуты куда более значительные силы НАТО, причем на постоянной основе. Этого, однако,

¹ См., например, официальные данные по странам: Vehicle and Aircraft Holdings Within the Scope of the Conventional Armed Forces in Europe Treaty 2017 // Ministry of Defence, February 23, 2017. – https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/592232/Vehicle_Aircraft_Holdings_within_the_scope_of_the_Conventional_Armed_Forces_in_Europe_Treaty_2017_-ExcelTables.xlsx

² Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве, 9 июля 2016 г. – http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru

³ См.: Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического Договора, 27 мая 1997 г. – http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm

уже не случилось и, если напряженность в отношениях между Россией и НАТО не будет возрастать, вполне вероятно – не произойдет в будущем.

Отсутствие нормального диалога в военно-политической области и глубокий кризис доверия между Россией и Западом серьезно ограничивают возможности для поиска взаимоприемлемых решений в этой сфере. До сих пор не найден компромисс между РФ и США / НАТО и по проблеме противоракетной системы в Европе (ЕвроПРО). В западных официальных документах изначально для ЕвроПРО ставилась вполне определенная узкая задача «обеспечения защиты европейских союзников и военных баз США в регионе от ракет малой и средней дальности, запущенных из района Ближнего Востока»⁴.

В свою очередь и Генеральный секретарь НАТО заверил Москву, что размещение систем ПРО в Европе не угрожает России, поскольку их дислокация «не позволит системе НАТО сбивать российские межконтинентальные баллистические ракеты»⁵. О неэффективности и «стратегической абсурдности» гипотетического использования систем ЕвроПРО против стратегического потенциала РФ свидетельствуют многие российские профессионалы в этой области. Это, однако, не мешает ряду российских политиков и военных высказывать подозрения относительно присутствия в программе ЕвроПРО скрытой цели подрыва потенциала российского ответного удара и, соответственно, стратегической стабильности.

Представляется, что разрешение современных проблем в сфере сокращения и ограничения вооружений в Европе и за ее пределами лежит не в плоскости преодоления «переговорных проблем» военно-технического характера, а напрямую зависит от состояния отношений России и НАТО / Запада. В случае согласия политического руководства на новую «разрядку» напряженности все кажущиеся сегодня такими острыми «переговорные проблемы» можно будет разрешить достаточно быстро. Если же этого не произойдет, то спасти контроль над вооружениями от полной катастрофы вряд ли удастся.

На пути к восстановлению диалога?

Можно заметить, что отношения России и Запада в последнее время в некоторой степени начали стабилизироваться, правда, на достаточно низком, по сравнению с «докризисным» уровне. В Брюсселе констатируют повышение позитивной активности российской стороны, направленной на восстанов-

⁴ Polish-U.S. missile defence negotiations // Ministry of Foreign Affairs. Republic of Poland, September 15 2011. – https://www.msz.gov.pl/en/foreign_policy/security_policy/missile_defence/md_negotiations/

⁵ Буланов К. В Польше начали строить базу противоракетной обороны США // Информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг», 14 мая 2016. – <https://www.rbc.ru/politics/14/05/2016/573650219a794726301de140>

ление диалога с НАТО. В Москве предпочитают представлять дело таким образом, что это «навострилась сторона» является инициатором возвращения отношений в нормальное русло. Можно полагать, что внутри Альянса действует некая «официальная установка» – на вопрос о том, каковы главные препятствия для нормализации отношений, представители натовских структур, как правило, начинают перечисление с «аннексии Крыма».

Очевидно, однако, что если нормализация отношений России и Североатлантического альянса является задачей насущно необходимой (о чем все чаще говорят представители сторон), то «возвращение Крыма» для российской политики выглядит как условие невыполнимое. Представляется все же, что такого рода «установка» в отношении Москвы существует, но на уровне среднего звена аппарата организации НАТО. Кардинальные же решения долгосрочного характера принимаются руководством Альянса или инициируются лидерами и представителями государств-членов.

Достаточно вспомнить, что после начала украинского кризиса первой реакцией Запада в отношении России было заявление: «no business as usual» – т.е. никакого продолжения отношений «как прежде». Однако мы наблюдаем постепенное восстановление взаимодействия, в том числе и по прежним «традиционным» направлениям. Значит, решительно выдвинутая несколько лет назад формула более не работает. Одним из таких традиционных и, несомненно, востребованных направлений взаимодействия является реанимация функционирования Совета Россия – НАТО (СРН), в котором в «докризисный период» активно шла работа – согласование позиций и выработка планов сотрудничества по 17 (!) важным для обеих сторон направлениям.

Хотя после кризиса отношения и были в очередной раз заморожены, но руководством НАТО было заявлено о намерении сохранить возможности для восстановления этих отношений и недопущения их критического ухудшения. Генеральный секретарь Альянса Йенс Столтенберг заявил о переходе к отношениям с Россией по формуле «сдерживание и диалог» и о сохраняющейся цели – «избежать новой холодной войны, новой гонки вооружений». При этом было однозначно заявлено, что Альянс, как и прежде, продолжает быть заинтересован в «выстраивании конструктивных отношений» с Москвой¹.

Однако выполнению «позитивной части» программы Генсека НАТО не способствовало традиционно примененное средство «заморозки» не только отношений, но и работы Совета Россия – НАТО (СРН). По свидетельству участников двухстороннего диалога, Совет в значительной степени задумывался не только как средство антикризисного регулирования, но и как инструмент, эффективно

способствующий выходу из возникающих кризисов. А это, в первую очередь, означает, что во времена кризисных ситуаций СРН должен работать особенно активно, а не прекращать свою деятельность. По «практике» своего применения вместо этого СРН превратился, скорее, в индикатор глубины кризиса, когда прекращение работы Совета означает, что кризис двусторонних отношений действительно достиг большой глубины.

Указанная логика может работать и в обратном направлении. Раз СРН возобновляет свою работу хотя бы в «урезанном» виде – следует ожидать выхода из кризиса и улучшения двусторонних отношений. И свидетельством этому можно считать возобновление заседаний Совета Россия – НАТО в 2016 г. Прорывов на этом направлении пока что нет, но обсуждение, например, такого актуального вопроса, как полеты боевой авиации с выключенным транспондерами в зоне соприкосновения, привело к определенному фактическому снижению остроты этой проблемы. После значительной паузы была восстановлена и «горячая линия» связи.

Очевидно, что эти встречи необходимы и служат восстановлению более структурированного диалога, каким он и был до 2014 г. В ходе уже десятой по счету встречи СРН, состоявшейся в Брюсселе в июле 2019 г., обсуждались такие темы, как Украина, ДРСМД, а также «транспарентность и снижение рисков». После заседания Генеральный секретарь НАТО высказался о необходимости таких встреч и в очередной раз подтвердил «приверженность» Альянса продолжению диалога². Его настойчивое развитие с обсуждением актуальных для обеих сторон вопросов свидетельствует об обоюдном стремлении сторон не просто растопить «замороженные отношения», но и выйти на решение практически значимых вопросов. Отсюда уже останется всего лишь один шаг до того, что наши дипломаты называют «субстантивным» сотрудничеством.

Просматривается стремление к восстановлению практически значимого взаимодействия и по другим важным направлениям. За последние несколько лет состоялся целый ряд содержательных встреч (для проведения которых был выбран г. Баку) начальника российского Генерального штаба В. Герасимова с высокопоставленными военными представителями НАТО. Восстановлена линия «горячей связи».

В ходе имевших место контактов обсуждались беспокоящие стороны вопросы безопасности, включая «предотвращение инцидентов». Собеседники сошлись во мнении о необходимости «взаимных шагов, направленных на снижение напряженности и стабилизацию обстановки в Европе»³.

² В Брюсселе проходит заседание Совета Россия – НАТО. 5 июля 2019 г. – https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_167682.htm?selectedLocale=ru

³ Грязев А., Суслова Е. Ваш звонок очень важен для нас (Генштаб РФ и НАТО провели первые телефонные переговоры за три года) // Газета. ru, 3 марта 2017 г. – https://www.gazeta.ru/politics/2017/03/03_a_10555607.shtml

¹ Столтенберг: НАТО делает ставку на усиление обороноспособности и диалог с РФ. 10 октября 2016. – <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3692975>

Специальное внимание было уделено таким фундаментальным вопросам, как характер военных доктрин и военных учений, которые, как заверяли высокопоставленные военные, не направлены друг против друга¹.

Можно сказать, что «бакинские встречи» стали приобретать постоянный характер. Одна из последних подобных встреч – между В. Герасимовым и Верховным главнокомандующим Объединенных вооруженных сил НАТО генералом Т. Уолтерсом – прошла 10 июля 2019 г. В ходе переговоров стороны обменялись мнениями о ситуации в сфере европейской и глобальной безопасности, возможных мерах по предотвращению инцидентов на линии соприкосновения Россия – НАТО, вопросах борьбы с терроризмом, обстановке в Афганистане и Сирии².

В отчете НАТО на этот счет была подчеркнута исключительно актуальная в нынешних условиях цель этих контактов – способствовать «предсказуемости и транспарентности в военной сфере». Был также сделан акцент и на том, что высокие представители сторон договорились и в дальнейшем также использовать «военные каналы связи»³.

В конце августа с. г. состоялся очередной телефонный разговор генерала В. Герасимова, на этот раз – с «самым высокопоставленным», по лексике НАТО, военным представителем Альянса, Председателем Военного комитета НАТО, главным маршалом авиации сэром С. Пичем. В связи с этим разговором натовская сторона вновь подняла вопрос о «повышении предсказуемости» и готовности использовать возобновленные каналы связи для диалога по «вызывающим озабоченность» вопросам и для «уменьшения недопонимания»⁴.

Как мы видим, такого рода телефонные разговоры и встречи на фоне вызванного украинским кризисом политического «ступора» в отношениях России и НАТО привлекают повышенное внимание. В ситуации опасного застоя и «соскальзывания» к парадигме отношений времен холодной войны в вопросах европейской и мировой безопасности даже отдельные слова в отчетах (несомненно, согласованные в соответствующих инстанциях и скоррелированные не

¹ Начальник Генштаба ВС РФ провел переговоры с представителем военного комитета НАТО // Телеканал «Звезда» 7 сентября 2017 г. – <https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201709071735ewbe.htm>; Глава Генштаба ВС РФ встретился в Баку с главкомом объединенных сил НАТО. 20 апреля 2018 г. – https://www.ekhokavkaza.com/a/29180982.html?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.by%2Fnews

² Зачем глава Генштаба РФ и главком сил НАТО выбрали для переговоров Баку. 11 июля 2019 г. – <https://az.sputniknews.ru/expert/20190711/421082852/azerbaijan-russia-visit-nato-vstrecha-baku.html>

³ NATO Supreme Allied Commander Europe, General Wolters meets with Russian Chief of General Staff, General Gerasimov. July 10, 2019. – <https://shape.nato.int/news-archive/2019/nato-supreme-allied-commander-europe--general-wolters-meets-with-russian-chief-of-general-staff--general-gerasimov>

⁴ Стюарт Пич провел телефонный разговор с начальником Генерального штаба ВС Российской Федерации. 30 августа 2019 г. – <https://nato.ru/news/20190830/25151.html>

только с генеральным направлением, но и с нюансами современной политики Альянса) об этих эпизодах получают особую повышенную значимость.

Круг вопросов для обсуждения достаточно велик. Однако особенно важно отметить, что в фокусе повестки этих встреч всегда находятся наиболее приоритетные вопросы европейской безопасности, которые способны решать главную задачу – снятие напряженности по «линии соприкосновения Россия – НАТО». Для представителей военных очевидно, что именно в зоне непосредственного соприкосновения может скрываться опасность эскалации от случайного и ограниченного применения оружия до масштабного конфликта, которую будет сложно остановить в условиях слома действовавших в годы холодной войны «предохранительных механизмов».

В ситуации практически прямого военного противостояния, возврата к которому, как уже стало казаться после окончания холодной войны, никогда больше не должно было произойти, «скатывание в пропасть» ядерной войны становится, к сожалению, вполне «вообразимым» сценарием. В нынешних условиях, как допускает академик А.Г. Арбатов, именно «перерастание локального конфликта в глобальный» ядерный может зародиться в тех регионах, где могут столкнуться вооруженные силы сторон, в том числе в Черном и Балтийском морях, «на Севере, в Прибалтике, на Украине». В таком сценарии та сторона, которая в конфликте «начнет проигрывать, может решиться на ограниченное применение ядерного оружия, чтобы остановить конфликт, провести так называемую дескальацию»⁵.

Мы сегодня сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, когда с целью предотвращения негативного сценария, включая и упомянутый выше, в условиях практически полного «обнуления» политического процесса высокого уровня между Москвой и руководством Альянса его заменяет диалог военных. Получается, что именно военные, наиболее реалистично предвидя опасные последствия, происходящие из проводимых ими же действий, стремятся такие последствия предотвратить.

Необычна и еще одна, неявная черта нынешней весьма специфической ситуации. Те, кто хоть немного знаком с процессом принятия решений, хорошо представляют себе, что без одобрения с самого высокого уровня политической власти встречи военных такого «высокого калибра» были бы невозможны. Понимание, что диалог военных санкционирован на «самом верху», внушает некоторый дополнительный оптимизм. Контакты между военными предстают в виде своеобразного зондажа позиций другой стороны, степени ее готовности к «субстантивному диалогу» и достижению согласия на основе компромисса. С учетом этого фактора

⁵ Академик рассказал, что может стать причиной начала ядерной войны. 12 сентября 2019. – https://ria.ru/20190912/1558611735.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZen

возникает необычная ситуация, когда в процессе политического «замирения» сторон военные, по факту, опережают политиков.

Появились также признаки того, что на официальном уровне в России в более позитивную сторону меняется восприятие реальной политики и намерений НАТО. Так, пожалуй, впервые после многолетнего перерыва итоги саммита НАТО (Брюссель, 2018 г.) были официально оценены в России в определенном положительном ключе. Российская сторона обратила внимание на то, что Альянс сохраняет приверженность «контролю над обычными вооружениями в качестве основного элемента евро-атлантической безопасности» и заявляет о решимости «сохранять, укреплять и модернизировать режим КОВЕ на основе таких ключевых принципов, как взаимность, транспарентность и согласие принимающей стороны». Было также замечено, что в НАТО даже «с учетом сложной ситуации в сфере европейской безопасности подчеркнули готовность к дальнейшим переговорам с Российской Федерацией по данной проблематике»¹.

Такое заявление отражает определенные настроения в отечественном внешнеполитическом ведомстве, постепенно «настраивающемся» на продолжение диалога в области КОВЕ. Ясно, что внешняя политика, а главное, принятие основополагающих кардинальных решений в ней, находятся в ведении Президента. Однако «творцом» этой политики является, несомненно, и отечественный МИД, а складывающиеся в его недрах позиции играют важ-

ную роль в определении и выработке постулатов и подходов этой политики. Более того, поскольку МИД является официальным институтом, то и исходящие вовне оценки представляют собой производное от официальной позиции, отражая как кардинальные повороты, так и отдельные нюансы российской внешнеполитической линии.

Несмотря на весьма негативный сценарий развития военно-политических отношений России и Запада / НАТО в последние годы и связанный с этим глубокий кризис контроля над вооружениями, следует отметить, что стороны проявили определеннуюдержанность в своих действиях, осознавая нежелательность дальнейшего ухудшения отношений и перспектив масштабной гонки вооружений. В последнее время в действиях представителей Москвы и Брюсселя наметилось стремление к снижению военно-политической напряженности и восстановлению взаимодействия. Отмеченные в статье некоторые новые позитивные элементы в диалоге России и Запада создают предпосылки для возвращения к сотрудничеству, в том числе на направлении Россия – НАТО. Причина ревитализации диалога, несмотря на продолжающуюся острую полемику между сторонами, вполне естественна – ему нет разумной и рациональной альтернативы, поскольку перспектива гонки вооружений и реального серьезного обострения отношений, «скатывания» к новой холодной войне не может устраивать ни одну ни другую сторону.

---

¹ Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и контроль над обычными вооружениями в Европе // Министерство иностранных дел России. 25 января 2019 г. – http://www.mid.ru/ru/obychnye-vooruzheniya/-/asset_publisher/MIdOT56NKIk/content/id/1137833

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: ЕСТЬ ЛИ СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ?

Юрий Никуличев,

ведущий научный сотрудник Отдела проблем европейской безопасности ИНИОН РАН

Аннотация. Рассматривается ситуация «украинского кризиса» – конфликта внутри и вокруг Украины. Критически рассмотрены положения Комплекса мер по выполнению Минских соглашений (Минска-II). Доказывается необходимость дорожной карты Минского процесса, рассчитанной на дальнюю перспективу; выделены ее ключевые элементы и фазы – разведение сторон конфликта, полное разминирование территорий, сценарий приглашения международных миротворческих сил в регион. Проанализированы перспективы Нормандского формата в урегулировании ситуации на Юго-Востоке Украины.

Ключевые слова: Минск-II; дорожная карта; международное миротворчество; Нормандский формат; Будапештский формат; В.А. Зеленский.

Keywords: The Minsk-II agreements; road map; international peacekeeping; the Normandy format; the Budapest format; V.A. Zelenskiy.

Конфликту внутри и вокруг Украины (объединим это выражением «украинский кризис») уже шесть лет – «света в конце туннеля» до сих пор не видно. По сравнению с горячими фазами периода 2014–2015 гг. интенсивность военных действий на Юго-Востоке Украины существенно снизилась, но даже при более или менее «подмороженном» конфликте никто сейчас не может сказать, как бы он мог разрешиться в принципе, какова та формула мирного урегулирования, что могла бы устроить обе противостоящие стороны, каково будущее Донбасса. Конечно, «все войны когда-нибудь заканчиваются миром», но вопрос, когда этот момент наступит для Украины, сегодня попросту находится за горизонтами прогнозирования. «Бесконечный тупик»!

Чаще всего в отношении украинского кризиса употребляется формула «стороны должны следовать Минским соглашениям». Москва адресует это требование Киеву, Киев – Москве, а их партнеры по «Нормандской четверке» – обоим государствам вместе. Все это происходит в рамках крайне асимметричной системы отношений, сложившейся почти сразу же после подписания Минских соглашений: Москва не является стороной этих договоренностей (все их пункты обращены к Украине и донбасским республикам), а Киев наперед отказывается от каких бы то ни было прямых переговоров с представителями ДНР и ЛНР. Делегации России и Украины напрямую встречаются в рамках Трехсторонней контактной группы (вместе с ОБСЕ), в заседаниях

которой участвуют и представители Донбасса, но поскольку Минские договоренности не исполняются, поиск взаимоприемлемых решений здесь идет крайне медленно, а результаты текущей деятельности, в сущности, ничтожны.

И вот вопрос: сохраняет ли «Минск-II» вообще какое-либо значение для деэскалации украинского кризиса? Политическая весомость Минского процесса, если смотреть на него в целом, сомнению не подлежит, но в отношении договоренностей, ни один пункт которых за пять лет не исполнен, этот вопрос, как ни смотри, рано или поздно возникает. Его можно поставить и острее: не было ли, собственно, в тексте «Минска-II» положений, которые изначально и стали фактором торможения всего процесса мирного урегулирования на Донбассе? Обратимся к Комплексу мер по выполнению Минских соглашений.

В пунктах этого документа легко видеть две категории – меры военного (военно-технического, военно-организационного) и меры политического характера, причем даны они несколько «чересполосно» и как будто образуют род логической последовательности, где исполнение одного требования дает возможность исполнения следующего. «Торможение» здесь должно было возникнуть уже потому, что речь идет о процессах принципиально разной длительности, втиснутых в одну схему. Логически говоря, прекратить огонь и отвести все тяжелые вооружения (пункт 1 и 2 Минских соглашений) возможно в гораздо более короткие сроки, чем развернуть «диалог о модальностях проведения местных выборов» в ДНР и ЛНР (пункт 4) или осуществить «определение модальностей полного восстановления социально-экономических связей» между разделенными частями Украины (пункт 8). Но все эти «модальности» предшествуют пункту 10 соглашений, предполагающему «вывод всех иностранных вооруженных формирований, военной техники, а также наемников с территории Украины под наблюдением ОБСЕ. Разоружение всех незаконных групп». В начало списка (пункт 3) вынесено требование «обеспечить эффективный мониторинг и верификацию режима прекращения огня и отвода тяжелого вооружения со стороны ОБСЕ с первого дня отвода», но меры, которые могут быть осуществлены гораздо более скорым образом – освобождение военнопленных, – отнесены к пункту 6. «Освобождению и обмену всех заложников и незаконно удерживаемых лиц на основе принципа “всех на

всех”» предшествует и требование к Киеву «незамедлительно, не позднее 30 дней с даты подписания данного документа, принять постановление Верховной рады Украины с указанием территории, на которую распространяется особый режим в соответствии с Законом Украины «О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» (продолжение пункта 4). Словом, заложенные в договоренностях «длительности» и «последовательности» в сумме складываются в крайне сложную и противоречивую картину. Минский процесс много выиграл бы в эффективности, если бы пакет «Минска-2» был «переупакован» возможно более логичным, последовательным и реалистичным образом, будь то в рамках, условно говоря, будущего «Минска-3» или решений Трехсторонней контактной группы.

Представляется, что основой будущих договоренностей, если Минскому процессу суждено продолжаться, для начала должен стать очень компактный пакет соглашений – конкретные вопросы, которые отвечают первейшим задачам прекращения вооруженного противостояния в регионе и которые могут *и должны* быть разрешены путем прямых переговоров между Киевом и донбасскими республиками («под гарантии РФ», как постоянно звучит в экспертных кругах, или «с участием РФ», как появилось в недавних формулировках). Что касается более широких политических проблем региона, формулировки «Минска-2» в этой части уже очень сильно «просрочены», и политическая тематика урегулирования должна рассматриваться в каких-то новых форматах – форматах, которые еще предстоит выработать.

Наилучшей переговорной технологией для этого нового этапа представляется дорожная карта, а не список мер и мероприятий, приуроченных к конкретным срокам и датам. В рамках «Минска-2» все и всякие сроки были нарушены (исполнение тех договоренностей предполагалось завершить уже в 2015 г.), и нет причин надеяться на то, что какие-то новые соглашения будут исполняться скорее или в установленные сроки. Примером того, сколь медленно в зоне конфликта осуществляются взаимные договоренности, может служить история с разведением сторон в Станице Луганской: в общем плане решение было согласовано еще в 2016 г., но фактическое разведение началось только в июне 2019 г. Случай Станицы показателен и в другом отношении: отвод сил там только-только обозначился, а со стороны украинских радикалов уже волной пошла крайне негативная реакция в отношении происходящего. В «патриотических» СМИ Украины этот первый – по существу, очень и очень скромный – отвод украинских соединений был немедленно расценен как «серезная ошибка Зеленского», а спикер Верховной рады А. Парубий даже заявил, что «разведение сил и средств в Станице Луганской является шагом к капитуляции, а не к миру на

Донбассе»¹. Любая попытка компромисса с «сепаратистами» в этих кругах будет восприниматься как «зрада» и проявление слабости Украины, а аналитики в этой связи даже указывают на опасность серьезного гражданского конфликта (и едва ли не гражданской войны) на «подконтрольной» части Украины. Сколько далеко может зайти такой конфликт, показали уже события сентября 2015 г., когда в Верховной раде обсуждался законопроект об особом статусе Донбасса: противники внесения поправок в Конституцию Украины – в основном «ветераны АТО» – тогда учинили массовый митинг на подходе к Раде; в сторону силовиков, обеспечивавших порядок, была брошена граната, – три человека было убито и десятки ранено². Еще и по этой причине – из-за той непримиримой оппозиции, в которой радикалы стоят по отношению к договоренностям с «сепаратистами» (популярный вариант: с «российскими оккупационными войсками»), – ожидать сколько-нибудь скорого урегулирования украинского кризиса не приходится.

Следовательно, нужно и в самом деле говорить о рассчитанной на дальнюю перспективу дорожной карте Минского процесса – о сценарии пошагового разрешения его проблем, где каждый новый шаг будет создавать устойчивые предпосылки для осуществления последующих. Начальные этапы этого процесса видятся следующим образом.

Концептуально и практически отправной точкой всего процесса должно, конечно, стать *разведение сторон конфликта* – то, что называется отводом обеими сторонами своих вооружений на равные расстояния. Если при этом вдоль пространства соприкосновения образуется достаточно широкий коридор, разведение сторон в перспективе решало бы и задачу «всеобъемлющего прекращения огня» – первого пункта «Минска-2». В идеале тяжелые вооружения должны быть отведены на расстояние до 140 км друг от друга, как в «Минске-2» это предполагалось для реактивных систем залпового огня «Тор-

¹ Зеленского раскритиковали за развод сил в Станице Луганской // <https://regnum.ru/news/polit/2658530.html>

² Как эта ситуация описывалась в украинской прессе, «демонстранты бросали в силовиков, с трудом сдерживавших кордон, бутылки, дымовые шашки и куски брускатки, а также пытались штурмовать здание парламента, кидая в окна бульварники... Число пострадавших с обеих сторон превысило сто человек... Картина после взрыва стала ужасающей. Корреспондент агентства “Интерфакс-Украина” передавал, что одному из милиционеров “оторвало ногу по коленную чашечку”. Раненые лежали возле одного из входов в Раду со стороны улицы Грушевского, откуда их забирали “скорые”, которых не хватало. Среди пострадавших оказались репортеры нескольких украинских телеканалов и, по данным киевской мэрии, французский журналист. Как рассказали в Минздраве Украины, за помощью к медикам обращались люди (как правоохранители, так и гражданские) с рваными ранами, переломами, черепно-мозговыми травмами и сотрясениями, контузиями и отравлениями. В столичные госпитали поступил 21 человек с огнестрельными ранениями» (Алешина М. Осколки. У здания Верховной рады в Киеве разгорается новый «майдан» // <https://rg.ru/2015/09/01/maidan.html>).

надо-С», «Ураган», «Смерч» и тактических ракетных систем «Точка У». Для первых фаз этого процесса ширину зоны безопасности можно было бы определить расстоянием в 50 км, исключающим применение артиллерийских систем калибром 100 мм и более, и в дальнейшем последовательно расширять ее до максимально возможных в данном случае значений. Возможно, вначале деятельность в данном направлении могла бы сосредоточиться на наименее проблемных участках противостояния, как их определят сами стороны: это серьезно облегчило бы и верификацию образующихся ситуаций силами Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине.

После прекращения боевых действий должно начаться **полное разминирование** (шире – очистка территорий от взрывоопасных предметов) – мера, которую «Минск-2» не предусматривал. Разминирование в «серой зоне» проводилось все последние годы – одновременно с двух сторон шла закладка новых мин, и Украина, по определению ОБСЕ, сегодня является «одной из самых заминированных территорий мира». «Бесконтрольное минирование стало бичом Донбасса, – отмечают СМИ. – С начала конфликта стороны часто минировали территорию без составления карт минных полей, что в будущем обернулось жертвами, в том числе и среди мирного населения»¹. С 2014 г. из-за подрыва на минах пострадали без малого тысяча гражданских лиц, из которых треть погибли; погибли 27 детей и 98 детей ранены² [За время конфликта на Донбассе...]. Первоочередное значение сегодня приобретает так называемое гуманитарное разминирование – очистка территорий вблизи и в окрестностях контрольно-пропускных пунктов; ускоренным порядком должны очищаться территории, важные для сохранения / восстановления инфраструктуры. Сроки завершения такого рода работ крайне проблематичны: по наиболее оптимистичным сценариям, полное разминирование может занять 10–15 лет.

Чтобы мирное урегулирование на Донбассе стало неизбежным, стороны могли бы согласовать вопрос о приглашении в регион **международной миротворческой миссии** – инициатива, отвечая на которую ООН определит ее мандат, состав, численность и пр. В принципе эта тема в позитивном ключе уже обсуждалась – в рамках Нормандского формата на встрече министров иностранных дел в июне 2018 г., также между К. Волкером и В. Сурковым и, наконец, между Д. Трампом и В. Путиным на саммите в Хельсинки в июле 2018 г. Вместе с тем позиции Москвы и Киева по отношению к миссии в очередной раз разошлись. Камнем преткновения стали принципиальные расхождения в понимании мандата миссии – должна ли она быть развернута исключительно вдоль линии размежевания сторон и в под-

держку ОБСЕ (позиция России) или, в продолжение этого, охватить всю линию российско-украинской границы на Донбассе (позиция Украины). Можно сказать, что с задачей такой сложности международное миротворчество еще не сталкивалось: поскольку протяженность одной лишь линии разграничения составляет порядка 450 км, здесь, по подсчетам экспертов, может потребоваться миротворческий контингент численностью до 40 тыс. человек. Наконец, развертывание миротворческой операции в обязательном порядке предполагает прекращение огня и разведение сторон конфликта – снижение «горячего» уровня противостояния до так называемой «нулевой фазы», как того требует международное миротворчество, и это опять возвращает весь вопрос к необходимости обеспечить прочный режим тишины в регионе.

«Все это означает, – подчеркивают специалисты по миротворчеству, – что только пошаговая и последовательная миротворческая операция позволит преодолеть сегодняшний тупик и создать условия для полного выполнения Минских соглашений. Такая операция должна основываться на соответствующей политической стратегии и взаимопонимании между основными заинтересованными сторонами, что только и позволит миротворцам разрешить свои задачи и не дать конфликту заморозиться на долгое время»³. В связи с этим эксперты предлагают выделять следующие фазы миротворческой операции, если она будет осуществляться на Украине:

- ✓ «нулевая фаза» – создание необходимых предварительных условий для развертывания миссии (по существу, разведение сторон),
- ✓ «фаза жесткой безопасности» с задачей не допустить возобновления военных действий в регионе,
- ✓ «фаза всеобъемлющей безопасности» – создание прочного административного режима управления Донбассом,
- ✓ «фаза общего политического урегулирования с выполнением Минских соглашений в полном объеме»⁴.

Вынося на первый план военно-организационные вопросы, предлагаемый подход серьезно расходится с тем сценарием урегулирования украинского кризиса, который известен под названием «план Медведчука» (или план Оппозиционной платформы «За жизнь»). В.В. Медведчук подходит к задаче с противоположной стороны – политической: в его инициативе предлагается создать так называемый Автономный регион Донбасс, который остается в составе Украины и статус которого должен быть четко (в отличие от прошлой идеи «особого статуса») прописан в Конституции страны; при этом в «реальной, а не nominalной» автономии создаются парламент, правительство и другие органы управления. По существу,

¹ В ОБСЕ рассказали, сколько мирных жителей в Донбассе погибло с начала года // <https://ukraina.ru/news/20180809/1020788671.html>

² За время конфликта на Донбассе от разрыва мин погибли 27 детей // <https://dnews.dn.ua/news/704028>

³ Robert Serry. Blue helmets in Donbas? A phased and sequenced scenario to unlock the Minsk agreements and restore peace in Ukraine. UPEACE Centre, The Hague 2018. P. 8.

⁴ Ibid.

речь идет о «государстве в государстве»; как про-комментировал возможные импликации этого сценария глава ЛНР Л.И. Пасечник, *«у нас будет своя граница, своя армия, судебные, исполнительные органы управления, своя избирательная система. Мы абсолютно самостоятельны – и мы никого сюда не пустим»¹*. Следовательно, двух мнений тут быть не может: для Киева, сколь можно судить по господствующей в нем политической атмосфере, такой ход событий абсолютно неприемлем.

Украина в последние месяцы пытается нащупать другие возможности урегулировать ситуацию вокруг Донбасса – в основном через Нормандский формат. В принципе идею переговоров в рамках «четверки» принимает и Россия. Непонятно сегодня только одно – какие именно дополнительные возможности для преодоления украинского кризиса открывали бы новые переговоры с участием Франции и Германии.

В недолгой истории Нормандского формата обращает на себя внимание то, что пик его работы пришелся на 2015 г.: тогда состоялось 20 встреч и телефонных бесед. Сквозной «повесткой-2015» была тема выполнения Минских соглашений, и интенсивность тех дискуссий, очевидно, объясняется тем, что у сторон была уверенность в том (или надежда на то), что Минский процесс может привести к реальным и при этом более или менее скорым результатам. Словом, Нормандский формат – «это о Минске»: как только стало очевидно, что Минские соглашения не исполняются, частота встреч пошла на убыль. В 2017 г. было всего три встречи; в 2019 г. пока что не было ни одной.

Уже в 2016 г. в работе «четверки» появились и стали обостряться противоречия. Летом того года стороны не смогли прийти к соглашению по выборам на Донбассе, после чего переговоры свелись в основном к вопросам гуманитарного характера и содействия работе Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ на Украине. Все указывает на то, что повестка Нормандского формата, по существу, истощилась, и его работа «поставлена на глубокую паузу».

Это не означает, что потенциал «формата» совершенно сошел на нет. В.А. Зеленский сейчас активизирует его, стремясь, очевидно, получить преимущества чисто тактического характера – возможность, находясь в составе «четверки», иметь дело с российской стороной вне прямых двусторонних переговоров с российским руководством. Нельзя исключать и того, что и Москва в будущем найдет какие-то новые точки соприкосновения и темы для переговоров с Киевом именно на этой площадке. За возобновление «нормандского процесса» на встрече мировых лидеров в Осаке также высказывались и А. Меркель и Э. Макрон. Можно поэтому ожидать, что очередная встреча «четверки» состоится уже в ближайшем будущем.

Вместе с тем, похоже, ни одна из сторон «формата» не ожидает от его работы сколько-нибудь скорых

результатов. Причина все та же: в фокусе переговоров здесь изначально были и остаются (неисполняемые) Минские соглашения. На летних встречах с В. Зеленским Э. Макрон и А. Меркель в который раз говорили именно об этом – о «необходимости следовать Минским договоренностям», однако в ходе пресс-конференции с Э. Макроном В. Зеленский резко ушел от вопроса, заявив, что Украина «не готова к диалогу с сепаратистами». Внутри «четверки», таким образом, происходит нечто вроде движения по кругу, выхода из которого стороны пока что не видят.

В Киеве поэтому все более широкое хождение получает идея перевода Нормандского формата в так называемый Будапештский, т.е. привлечения к переговорному процессу Соединенных Штатов и Великобритании, в свое время подписавших Будапештский меморандум, а также, как вариант, Китая, Евросоюза и даже государств Прибалтики. Американская администрация, однако, эту идею не поддерживает, никакого интереса к ней не проявил и Лондон. «Запад прекрасно понимает, – пишет эксперт Центра Карнеги в Москве О. Игнатов, – что Будапештский меморандум о гарантиях безопасности Украине в обмен на отказ от ядерного статуса не может быть основной для урегулирования конфликта в Донбассе... В итоге инициативы Киева о возвращении к «будапештскому формату» можно расценить либо как блеф, либо как *wishful thinking*. Украина не обладает никакими рычагами принуждения США, Великобритании и России к обсуждению описанных в Будапештском меморандуме обязательств. Единственный отчаянный шаг, на который в этой связи может пойти украинская сторона, – это поставить под вопрос свое участие в Договоре о нераспространении ядерного оружия (присоединилась 16 ноября 1994 года) и допустить возможность возвращения к ядерному статусу. Однако это приведет к превращению Украины в страну-изгоя, подобную Северной Корее, т.е. к изоляции и экономической катастрофе»².

Итак, «есть ли свет в конце туннеля»? Скажем так: есть слабый лучик надежды. Это стремление нового украинского руководства прекратить войну на Донбассе – стремление, в искренности которого, судя по всему, сомневаться не приходится. Сегодня это можно сделать единственным способом – начать пошаговое разведение сторон конфликта, стать на путь выхода из чисто военной фазы их противостояния. Само по себе это, конечно, не предрешит никаких более далеких перспектив общего урегулирования украинского кризиса, но как минимум необходимое условие обозначит собой тот первый шаг, с которого только и может начаться «путь в тысячу миль». Даже если этот путь уходит далеко за горизонт.

¹ Бирюзов Э. Мирный план Медведчука – Разморозка Минска-2 // <http://www.iarex.ru/articles/67979.html>

² Игнатов О. Будапештский капкан: Новый формат превратит Украину в международного изгоя // <https://www.politnavigator.net/budapeshtskij-kapkan-novyjj-format-prevratit-ukrainu-v-mezhdunarodnogo-izgoya.html>

ВОСТОЧНАЯ ГЕРМАНИЯ: 30 ЛЕТ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

Лариса Шанишева,

заведующая Сектором Восточной Европы ИНИОН РАН

Аннотация. В статье рассматриваются системные изменения в ГДР, предшествовавшие объединению Германии, и последующее развитие восточных федеральных земель в составе ФРГ. Проанализированы основные причины краха ГДР, особенности социально-экономической и политической трансформации Восточной Германии на протяжении 30 лет.

Приводятся статистические данные о финансовых затратах на объединительный процесс, социально-экономические показатели развития в восточных землях Германии, характеризуется политическая активность восточных немцев и их политические предпочтения. Сформулированы современные задачи выравнивания различий в развитии востока и запада страны. Рассматривается вопрос о будущем Восточной Германии.

Ключевые слова: ГДР; Э. Хонеккер; ФРГ; Берлинская стена; объединение Германии; Г. Коль; трансформация; восточные федеральные земли; Пакт солидарности; «остальгия»; «осси»; «весси».

Keywords: GDR; E. Honecker; FRG; Berlin Wall; German reunification; H. Kohl; transformation; eastern federal states; Solidarity pact; «Ostalgie»; «osssi»; «wessi».

В 2019 г. исполняется 30 лет с момента слома Берлинской стены – символа разделительной линии Запада и Востока в XX веке, границы между двумя германскими государствами на протяжении 40 лет. Сегодняшний взгляд на события того времени не только высвечивает по-новому некоторые факты истории, но позволяет глубже понять процессы трансформации в Восточной Германии и увидеть перспективы ее развития в составе объединенного германского государства.

Падение Берлинской стены кардинальным образом ускорило крах Германской Демократической Республики и последующее объединение ГДР и ФРГ. После открытия границы между Западным и Восточным Берлином события развивались столь стремительно, что скорое заключение Договора об объединении Германии стало в определенной степени неожиданным не только для сторонних наблюдателей, но и для самих немцев. Последовавшая за этим трансформация Восточной Германии в составе единого германского государства продемонстрировала воплощение в жизнь той модели будущего, которая была принята бывшей ГДР при заключении Договора об объединении Германии в 1990 г.

Сегодня некоторые факты, обстоятельства и решения, предшествовавшие объединению, «потеря-

лись» во времени или просто забыты. Вместе с тем мирная революция в ГДР осенью 1989 г. и уникальный опыт смены общественно-политической системы отличались своими особенностями и динамикой, что во многом обусловило столь быстрое объединение двух германских государств.

От идеи демократизации общества к потере государственности

Безусловно, перестройка в СССР, а также «бархатные» революции в странах Восточной Европы осенью 1989 г. оказали непосредственное влияние на рост общественных протестов в ГДР, на смену режима – отстранение от власти старой гвардии во главе с Эрихом Хонеккером и приход более молодых политиков к управлению страной. Далее, за очень короткий срок – с октября 1989 г. по январь 1990 г. – прошел процесс делигитимации политического руководства ГДР и всех государственных институтов.

В тот начальный период преобразований основными требованиями к властям со стороны населения были предоставление гражданских свобод и демократизация общественно-политической жизни, в том числе снятие запрета для граждан ГДР на контакты с родственниками, проживающими в ФРГ. Несмотря на все социально-экономические достижения восточногерманского государства за 40 лет существования, в обществе сохранялись серьезные проблемы. Прежде всего, это выражалось в ограничении гражданских свобод, диктатуре правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ)¹, вездесущем контроле над частной жизнью граждан со стороны органов государственной безопасности («штази»).

С учетом этих обстоятельств становится понятно, почему открытие Венгрией границы с Австрией 11 сентября 1989 г. вызвало массовый отъезд восточных немцев через Венгрию в западном направлении – в Австрию и ФРГ. Венгерское посольство неправлялось с наплывом людей, пересекающих границу Венгрии с ГДР, ситуация приобретала неконтролируемый характер. В результате власти ГДР приняли решение открыть пограничные пункты

¹ Притом что формально политическая система ГДР была многопартийной. – Прим. авт.

между Восточным и Западным Берлином, что фактически позволило восточным немцам свободно выезжать в Западную Германию. Это послужило первым толчком к политическим переменам и трансформации общества.

Управлять начавшимися процессами демократизации бурлящего общества в условиях открытой границы было чрезвычайно сложно. На низшем, муниципальном уровне стали стихийно проводиться круглые столы, по сути, ставшие формой общественного диалога о будущем пути развития страны. В декабре 1989 г. был создан центральный круглый стол (ЦКС), объединивший наиболее активные политические силы ГДР, который взял на себя функции правительства. В тот период руководство страны не ставило вопрос об объединении с ФРГ. Основной задачей ЦКС была разработка проекта новой конституции ГДР, вокруг которого разгорелись жаркие споры. Стало понятно, что транзитное общество и его активная часть раскололись на две группы интересов и преследовали две противоположные цели. Одни силы боролись за обновление ГДР как суверенного немецкого социалистического государства, другие – за объединение с ФРГ. Политические лидеры новых партий и гражданских движений искали способы обновления общества вплоть до выработки и принятия новой конституции. В политическом отношении это была короткая, но довольно результативная фаза демократизации, когда в течение полугода авторитарное восточногерманское государство стало свободным, демократическим, правовым. К сожалению, сохранить его в таком виде не удалось по ряду причин.

С одной стороны, у новых политических партий и их лидеров не было достаточного опыта деятельности в условиях свободной, конкурентной борьбы за власть. К тому же значительная часть восточногерманских граждан, недовольная прежним все-проникающим диктатом власти СЕПГ и ограничениями в гражданских свободах, была очарована перспективой перехода к более высоким стандартам жизни в развитом европейском демократическом государстве, восстановлению разорванных родственных связей. С другой стороны, «политические зубры» из Западной Германии (прежде всего, председатель ХДС и канцлер ФРГ Гельмут Коль) начали активную наступательную кампанию за объединение Германии по всем направлениям.

Центральный круглый стол ГДР, проработавший три месяца, не выполнил ни парламентских, ни правительственные функций, он лишь подготовил первые демократические выборы в условиях кризиса власти. На следующий день после выборов в Народную палату ГДР (30 мая 1990 г.) новые законодатели приняли решение удалить из всех общественных зданий государственную эмблему ГДР. Соответствующее распоряжение было отправлено во все посольства в зарубежных странах. Таким образом, на высшем законодательном уров-

не обозначилась линия на *ликвидацию* в тот момент формально еще существовавшего немецкого социалистического государства и его переход под юрисдикцию Федеративной Республики Германии.

Наряду с этим власти Западной Германии предприняли ряд важных шагов по реализации проекта объединения. Летом 1990 г. по инициативе западной стороны был заключен валютный, экономический и социальный союз между двумя германскими государствами. Фактически это стало началом краха ГДР и подготовительной мерой к ее фактическому поглощению. В соответствии с принятым решением на территории ГДР вводилась марка ФРГ, обмен денег производился по курсу один к одному. Согласно экономическим условиям названного союза ГДР получила возможность выхода на европейские и мировые рынки. Социальная составляющая союза предусматривала введение на территории Восточной Германии западногерманской системы социального обеспечения и социального страхования. В соответствии с этим правительство ФРГ выделило из бюджетных средств значительные суммы на пенсии по старости, пособия по безработице, медицинское обслуживание восточных немцев. К тому моменту институты государственной власти ГДР были фактически парализованы, и для населения было очень важно получить новые финансовые возможности и социальные перспективы.

Как показало последующее развитие, валютный и экономический союз не смог изменить структуру экономики ГДР и обеспечить ее рост. Но он создал благоприятные условия для развития рыночной среды, к чему не были готовы восточные немцы, а хлынувший с запада поток товаров высокого качества привел к резкому снижению производства и сбыта восточногерманской продукции. В определенном смысле население ГДР само подрывало экономику своего государства, отдавая предпочтение западногерманским товарам.

Характерно, что в тот период многие немецкие политики и ученые предвидели будущие сложности срастания двух государств, хотя и имеющих общие исторические корни и общий язык, но в момент объединения – различные общественно-политические системы. В частности, известный немецкий философ и социолог Юрген Хабермас не одобрял объединение Германии на основе Конституции ФРГ: «Отказ от осознанного акта принятия новой конституции препятствовал тому, чтобы объединение стало общим проектом. Вместо этого был принят вариант будущего в форме прошлого»¹.

Одной из основных причин краха ГДР было состояние политической элиты того времени – партийно-государственной номенклатуры СЕПГ. После объединения с ФРГ значительная часть бывшей элиты ГДР утратила свои позиции, и лишь небольшое число ее представителей сумело встроиться в элит-

¹ Цит. по: Schroeder W. Neue Akzente in der Sozialpolitik // Neue Gesellschaft. – Bonn, 2004. – N 3. – S. 29.

ные слои новой, большой Германии¹ (наиболее яркий пример – политическая карьера Ангелы Меркель). В результате прежние номенклатурные кадры Восточной Германии были удалены из процессов государственного управления, а лидирующие позиции во всех сферах управления обществом захватила политическая и экономическая элита Западной Германии. Это касалось всех сфер занятости населения. Приватизированное государственное имущество ГДР перешло в руки западногерманских предпринимателей, в научно-исследовательских институтах и учебных заведениях практически весь состав штатных работников был заменен на кадры из Западной Германии. Тем самым восточногерманские квалифицированные специалисты зачастую оказывались безработными.

В сложившейся ситуации от восточных немцев требовались постоянные сверхусилия по адаптации к новым законам, системам управления, социальному страхованию и образованию. Для дальнейшего экономического переустройства Восточной Германии было создано Попечительское ведомство, которое решало вопросы о приватизации предприятий ГДР и их последующей продаже по минимальной условной цене. Естественно, они попадали в собственность западногерманским предпринимателям, имевшим опыт работы в условиях рынка и располагавшим необходимыми финансами, необходимыми для развития производств.

Трансформация восточных федеральных земель

После юридического оформления факта присоединения Восточной Германии к ФРГ началось осуществление масштабного проекта под названием Подъем Востока. Для поддержки экономики в новых федеральных землях туда были направлены миллиардные инвестиции. По оценке Института экономических исследований в г. Галле (IWH), сумма трансфера за период с 1991 г. по 2009 г. составила 1,4 триллиона евро. Значительная часть этих средств была направлена в социальную сферу. С целью пополнения необходимых для восстановления хозяйства бывшей ГДР средств между федеральным правительством и новыми землями был заключен Пакт солидарности, в соответствии с которым финансовая помощь должна была поступать с 1995 по 2004 г. Основная часть этих средств образовывалась из налога на солидарность (4%), который платили жители Западной Германии. Предполагалось, что направляемая в соответствии с этим Пактом сумма в 94,5 млрд евро позволит выровнять в указанный срок социально-экономические различия между старыми и новыми федеральными землями.

¹ Подробнее см.: Смена элиты в Восточной Германии (1990-е годы) // Политические элиты в Центральной и Восточной Европе (проблемы переходного периода) / Авт. колл.: Т.Г. Биткова и др. Отв. ред. Л.Н. Шаншиева. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – С. 66–81.

Несмотря на это первые 15 лет после объединения были отмечены стагнацией, Германия стала терять статус одной из самых благополучных стран Евросоюза. По мнению специалистов, никогда еще в истории индустриального мира одна территория государства не находилась в такой зависимости от другой, как это сложилось в отношениях между Восточной и Западной Германией. Трансформация восточных земель после объединения проходила с большими сложностями, и прогнозируемых результатов достичь не удалось. Поэтому на период с 1 января 2005 г. по 2019 г. был заключен Пакт солидарности II, предусматривающий выделение дополнительных средств – 156 млрд евро. Одновременно правительством ФРГ было принято решение о том, что с 2020 г. финансовые отношения между федерацией и восточными землями должны будут строиться по-новому².

В ходе выравнивания уровней развития на востоке и западе Германии продолжали сохраняться ощущимые различия по разным показателям. Наряду с высоким уровнем безработицы и развалом промышленности восточным немцам мешало в первую очередь то, что руководящие позиции на предприятиях и в организациях были переданы исключительно западным немцам. Заданные параметры и нормативный характер преобразований сковывали инициативу восточных немцев. В то же время квалифицированная, образованная молодежь переезжала с востока на запад страны. И отрицательный баланс миграции из восточных земель явно свидетельствовал о негативном характере процесса объединения.

Были и другие факторы, осложнявшие «срастание» Восточной и Западной Германии – прежде всего, это «стена в головах» – ментальные различия восточных и западных немцев. Эта проблема оказалась настолько серьезной, что в обиход прочно вошли понятия «осси» и «весси». В повседневной жизни это проявлялось как повсеместное превосходство западных немцев («весси») над восточными («осси»). Это относилось как к неравенству во владении собственностью, так и в меньшей оплате труда и даже более продолжительном рабочем дне. Именно сохранявшийся долгие годы разрыв в уровне зарплат служил источником недовольства и социальной напряженности. Дополнительным осложняющим ситуацию фактором была низкая экономическая привлекательность восточногерманских предприятий, их технологическое и структурное отставание и соответственно низкая производительность труда.

Затянувшийся период адаптации восточных немцев в новом обществе, массовая безработица, разочарование от несбывшихся надежд способствовали росту ностальгии по социалистическому прошлому, где была гарантирована стабильная работа,

² Jahresbericht der Bundesregierung zum Stand der Deutschen Einheit 2018 /Hrsg. von Bundesministerium für Wirtschaft und Energie (BMWi). – Berlin. – 2018. – S. 18.

широкие возможности получения бесплатного образования, медицинского обслуживания и разного рода социальной помощи. Эти настроения, получившие определение «остальгия» и сохраняющиеся частично до сих пор, породили возвращение в повседневную жизнь «осси» всевозможных атрибутов прошлой жизни, создание мини-музеев ГДР, торговлю предметами быта той эпохи и пр.

И сегодня новые восточные земли во многом сохраняют различия по своим макроэкономическим показателям. Те регионы и города, где были расположены успешные ранее предприятия (например, завод по производству оптических приборов в г. Йене и др.), сумели адаптироваться и более эффективно работать в новых условиях. Но таких немного. В основном на территории востока расположено мелкое производство либо филиалы крупных фирм, сосредоточенных на западе. С учетом этого федеральное правительство преследует цель выровнять структурные отставания отдельных регионов на пространстве всей Германии, чтобы создать повсюду равнозначные условия жизни.

Опросы показывают, что среди восточных и западных немцев по истечении 30 лет сохраняются отличия во взглядах на демократию и рыночную экономику. Согласно репрезентативному опросу, проведенному Институтом демоскопии (г. Алленбах), лишь 42% опрошенных жителей восточных земель считают демократию лучшей формой государственного устройства. В западных землях демократию позитивно оценивают 77% респондентов¹. Объяснение этому эксперты находят по большей части в личных биографиях восточных немцев. Опыт жизни в ГДР и последующий слом карьеры, отсутствие профессионального роста, социальные трудности переустройства сделали восточных немцев более скептически настроенными по отношению к демократии.

Продолжают сохраняться различия как в политических предпочтениях, так и в политической активности. Как правило, избирательная активность в новых федеральных землях ниже, чем в старых. Данные по участию в земельных выборах показывают, что первые места занимают западные федеральные земли: Гессен (73% в 2013 г.), Баден-Вюртемберг (70% в 2016 г.), Рейнланд-Пфальц (70% в 2016 г.), Бавария (64% в 2013 г.). Во всех пяти новых землях, за исключением Саксонии-Анхальт, доля участия была ниже 55%.

Социально-экономические трудности, сокращение населения в восточных землях, сохраняющийся разрыв в уровне зарплат и в целом уровне жизни на востоке и западе Германии создают благоприятную почву для протестных настроений и

усиления влияния радикальных политических сил. С этим связывается растущая поддержка партии Альтернатива для Германии (АдГ) в восточных землях. Там, согласно опросам, в 2018 г. АдГ стала самой влиятельной политической силой. Безусловно, негативное влияние на устойчивое развитие Восточной Германии оказал и миграционный кризис 2015–2016 гг.

Радикалы из организации «Братья-мусульмане»² также расширяют свое влияние на востоке Германии. По словам руководителя Отдела по защите конституции федеральной земли Саксония Г. Майер-Плата, исламисты скапливают недвижимость и открывают мечети, где ведут пропаганду, вовлекая в свои ряды прибывающих с Ближнего Востока беженцев. «Братья» активно приобретают помещения в Лейпциге, Дрездене, Баутцене, Гёrlице и других городах³. Мини-мечети появляются иногда в обычных квартирах. По данным министерства внутренних дел ФРГ, «Братья-мусульмане» успешно заполняют вакум, образовавшийся в Восточной Германии в результате миграции рабочих рук оттуда в более богатую западную часть страны.

О некоторых итогах и будущем

За прошедшие 30 лет правительство ФРГ проводило последовательную политику выравнивания социальных, экономических, политических и культурных условий жизни людей в объединенном государстве. Переломным в развитии восточных федеральных земель стал 2005 г., поскольку с этого времени наметился экономический подъем, снижение уровня безработицы, ощущимое сокращение разрыва в оплате труда на востоке и на западе и пр.

Обстоятельное подведение итогов «срастания» Восточной и Западной Германии было сделано в конце 2018 г. на заседании бундестага, где с отчетом выступил уполномоченный правительства по восточным федеральным землям – Кристиан Хирте. По его оценке, в целом процесс трансформации Восточной Германии был успешным, хотя не все необходимые личностные, индивидуальные перемены в жизни восточногерманского населения могли быть реализованы. Но уже можно говорить о том, что «Восточная Германия вышла из длинной тени ГДР-овского прошлого».

Позитивные изменения произошли на рынке труда. Если в 1999 г. безработица в Восточной Германии была выше 17%, то в 2017 г. в среднем снизилась до 7,6% (для сравнения в Западной Германии – 5,3%)⁴. И все же заметные различия еще продолжают сохраняться. Рост экономики в вос-

¹ <https://www.dw.com/de/ostdeutsche-sehen-demokratie-skeptischer/a-47204467>. Следует обратить внимание на то, что статистические данные по этим показателям при опросах разными социологическими центрами показывают большие различия. – Прим. авт.

² В России признана террористической организацией. – Прим. авт.

³ <https://www.fondsk.ru/news/2017/02/05/islamskie-radikaly-osvaivajut-vostochnye-zemli-germani-43505.html>

⁴ Bericht... S. 10.

точных землях (1,9%) оказался ниже, чем в западных (2,3%). Хотя в новых землях рост заработной платы в 2017 г. был выше, чем в среднем по Германии (2,3%), но у восточных немцев она составляла около 98% от западного уровня.

Несмотря на все успехи, отметил в своем отчете К. Хирте, наблюдается высокий уровень недовольства и обеспокоенности населения. По его мнению, правительство в Берлине должно дать четкий сигнал обществу, что оно намерено и дальше уделять внимание развитию восточной части страны. При этом планы на будущее касаются не только структурного и экономического развития. Одной из важных задач является укрепление сплоченности и солидарности (*Zusammenhalt*) общества, их сохранения на длительный период.

Как представляется, в последние годы обозначились новые акценты в политике правительства ФРГ по отношению к Восточной Германии. Сегодня признается, что ранее в ходе объединения недостаточно учитывались интересы восточных

немцев, их опыт мирной революции 1989 г. и демократических перемен, стремление сохранить свою идентичность и притязания на равноправное положение в объединенной Германии. Были допущены ошибки, одной из которых был не оправданный трансфер элит с запада на восток.

На ближайшее будущее федеральное правительство определило задачу проработки истории ГДР и СЕПГ с целью корректировки понимания их роли в трансформации общества того периода. Также будет усилено внимание к вопросам политики памяти и изучению истории общего отечества (*Heimat*) западных и восточных немцев. «В обозримом будущем ключевое значение для полного завершения германского единения имеет задача достижения обеспеченной и безопасной жизни для всех граждан ФРГ – и на западе, и на востоке»¹. Таким образом, тема востока и запада Германии не исчерпала себя. Предстоит работа не только по выравниванию социально-экономических показателей, но и по осмыслению опыта объединения.

---

¹ Bericht... S. 16.

ЧЕШСКИЕ ПОЛИТИКИ И ГРАЖДАНЕ О ЧЛЕНСТВЕ СТРАНЫ В НАТО

Юлия Щербакова,
старший научный сотрудник ИНИОН РАН

Аннотация. Основываясь на результатах опросов общественного мнения, проведенных чешскими исследовательскими организациями, автор анализирует отношение чешских граждан и политических сил к вступлению и членству их страны в НАТО, к роли Североатлантического альянса в деле обеспечения безопасности Чешской Республики и в целом в международных отношениях. Проанализированы позиции наиболее влиятельных политических партий ЧР по вопросу членства их страны в НАТО и в ЕС. Делается вывод о том, что стремление к расширению Североатлантического альянса со стороны ряда стран Запада явилось следствием проатлантических настроений политической элиты и общества стран ЦВЕ.

Ключевые слова: Чешская Республика; НАТО; политические партии Чехии; опросы общественного мнения.

Keywords: Czech Republic; NATO; Czech political parties; opinion polls.

Президент В. Гавел подписал документы о вступлении в НАТО в Тронном зале Пражского Града 26 февраля 1999 г. Американцы организовали передачу ратификационных документов в библиотеке Трумана в городе Индепенденс, Миссури, – в честь президента, во время руководства которого возник Альянс. В пятницу 12 марта 1999 г. документы от министра иностранных дел Чешской Республики Кавана и его коллег из Польши и Венгрии принял тогдашний госсекретарь США М. Олбрайт.

Вступление Чехии в НАТО – «дорога с двухсторонним движением»

Вопрос о расширении НАТО не сразу стал центральным в американской политике 90-х годов XX столетия. Окончание холодной войны и исчезновение «советской угрозы» характеризовались как выполнение основной цели создания военно-политического блока НАТО, поэтому существование организации, а тем более ее расширение не рассматривались многими политиками и экспертами как приоритет политики США. Однако противники такой позиции, составлявшие меньшинство как в администрации Б. Клинтона, так и в академическом сообществе, оказались более активными в обосновании необходимости сохранения и обновления Североатлантического альянса. После роспуска Варшавского договора в феврале 1991 г. ситуация изменилась, и это привело к конкретным шагам по расширению НАТО.

До 1993 г. решение вопроса о судьбе НАТО оставалось неопределенным, представители администрации Клинтона не делали четких заявлений, хотя приближался январь 1994 г., когда должен был состояться саммит НАТО. Только в ноябре 1993 г. в Риме государственный секретарь У. Кристофер в выступлении на пленарном заседании СБСЕ, провозглашая программу «Партнерство во имя мира», сказал: «В то же самое время мы предлагаем открыть двери для постепенного расширения числа членов НАТО»¹.

В 1994 г. во время посещения европейских стран президент Б. Клинтон в своих выступлениях начал осторожно развивать мысль о расширении НАТО. Считается, что именно лидерам восточноевропейских стран удалось убедить тогдашнего президента США Б. Клинтона в целесообразности расширения НАТО на Восток. Так пишет в своей книге «Открывая двери в НАТО» известный специалист в области международных отношений Рональд Асмус².

Во время встречи на открытии музея Холокоста в Вашингтоне в апреле 1993 г. чешский президент Вацлав Гавел сказал Клинтону: «Наша главная проблема в том, что мы живем, как в вакууме. Поэтому мы хотим присоединиться к НАТО. Кроме того, в силу наших ценностей и нашего духа мы являемся частью Западной Европы»³.

Польский лидер Лех Валенса говорил еще резче: «Все мы боимся России. Как только Россия начнет осуществлять агрессивную внешнюю политику, она будет направлена против Польши и Украины». «Ни одна делегация с этой встречи не ушла с ощущением того, что они могли существенно повлиять на ход мыслей президента США, – написал Асмус. – Но на самом деле все было наоборот. Президент поделился со своим советником по вопросам национальной безопасности Тони Лейком, насколько сильное впечатление на него произвел интерес к интеграции в НАТО»⁴.

В октябре 1996 г. Б. Клинтон заявил: в 1999 г., в год 50-й годовщины возникновения НАТО и 10-й годовщины падения Берлинской стены, Альянс примет новых членов. Заместители министров

¹ Расширение НАТО на Восток – <http://istorirossii.ru/zarubezhye/209-rasshirenie-nato-na-vostok.html>

² R.D. Asmus, Opening NATO's Door: How the Alliance Remade Itself for a New Era. – New York, 2004. – 372 p.

³ Цит. по: Пацнер К. Как Чехию принимали в НАТО. – <https://inosmi.ru/europe/20110503/169022685.html>

⁴ Там же.

иностранных дел стран-участниц спорили о том, какие страны будут приняты. Вашингтон выступал за Чешскую Республику, Венгрию и Польшу. Париж и Рим хотели принять еще и Словению, и Румынию. Окончательное решение было принято на саммите верховных представителей НАТО в июле 1997 г. в Мадриде – это была первая тройка.

Идею о вступлении страны в НАТО в постноябрьской Чехословакии, а позже в независимой Чешской Республике поддерживало большинство чешских политических сил. Коммунисты и республиканцы требовали проведения референдума по вопросу вступления. Победа Гражданской демократической партии (ГДП) на выборах 1992 г. и поддержка других правых партий определили стратегическое направление чешской внешней политики, ориентированное страну на вступление в НАТО.

Самая сильная оппозиционная партия того времени – Чешская социал-демократическая (ЧСДП) – также поддержала просьбу о вступлении в Альянс. Однако условием вступления должно было стать проведение референдума, что было неприемлемо для правой коалиции. Социал-демократическое требование референдума в связи с вступлением в НАТО было наиболее обсуждаемой темой у чешских политиков.

Премьер-министр Вацлав Клаус и президент Вацлав Гавел были против проведения референдума. Гавел отмечал, что «членство в НАТО не ограничивает суверенитет государства», и референдум о вступлении в Альянс не проводился ни в одном из членов за исключением Испании, где он обратился против его инициаторов. Президент признался, что «в ЧР гражданам недостаточно объясняют причины, по которым страна намеревается вступить в НАТО». По его словам, в Венгрии и Польше ситуация в этом вопросе значительно лучше. В заключение он подчеркнул, что «Североатлантический альянс является наилучшей из всех мыслимых гарантий нашей безопасности»¹.

В результате было принято решение, которое поддержали в том числе и социал-демократы, о том, что вопрос о вступлении в Альянс будет рассмотрен на заседании парламента еще до досрочных парламентских выборов 1998 г.

Решение о вступлении Чешской Республики в НАТО принимал чешский парламент в апреле 1998 г. В Палате депутатов «за» проголосовали 154 депутата, «против» – 38. 64 сенатора проголосовали за вступление, трое – против. Со стороны Альянса официальное приглашение к членству было получено Прагой в январе 1999 г.²

¹ Havel k referendu o vstupu do NATO. – <https://www.sme.sk/c/2065150/havel-k-referendu-o-vstupe-do-nato.html#ixzz>

² 20 let Česka v NATO: Od Varšavské smlouvy, přes Jugoslávii po Afgánistán. Co bude dál? <https://www.ahaonline.cz/clanek/musite-vedet/157967/20-let-ceska-v-nato-od-varsavske-smlouvy-pres-jugoslavii-po-afganistan-co-bude-dal.html>

Парадоксы современной чешской политической сцены

В июне – июле 2019 г. Прагу, столицу, как считалось, одной из наиболее благополучных и политически стабильных центральноевропейских стран – Чешской Республики – охватили массовые выступления, которые по числу участников сравнимы с событиями 30-летней давности – акциями протеста в ходе «Бархатной революции» (1989). Десятки тысяч граждан вышли на улицы с требованиями отставки премьер-министра Андрея Бабиш, которого подозревают в махинациях с использованием дотаций ЕС, предназначенных для поддержки мелких сельхозпредприятий. Якобы А. Бабиш вывел из состава принадлежавшего ему агроконцерна небольшое фермерское хозяйство «Гнездо аиста» и, получив на его счет многомиллионные евро дотации, включил его обратно.

Парадоксально, но движение АНО2011 (Акция недовольных граждан), которое А. Бабиш возглавляет как председатель и на которое не может не падать тень его репутации коррупционера, успешнее всех из чешских политических партий выступило на майских 2019 г. выборах в Европейский парламент, набрав 21,8% и получив шесть мест в ЕП. На втором месте с 14,54% и четырьмя местами Гражданская демократическая партия, далее Чешская пиратская партия (13,95%, три места), коалиция партий «Старосты и независимые» и ТОП 09 (Традиция Ответственность Процветание) (11,65%, три места), «Свобода и прямая демократия» (9,34%, два места), ХДС – ЧНП (Христианско-демократический союз – Чехословацкая народная партия) (7,24%, два места) и чешские коммунисты (6,94% одно место). Всего в Европейском парламенте за Чешской Республикой закреплено 21 место. Как отмечают наблюдатели, выборы 2019 г. собрали рекордное за все время их проведения в ЧР число избирателей – более 28%³.

Популярность движения АНО2011 подтверждают результаты опроса общественного мнения, проведенного агентством SANEP⁴. На парламентских выборах, если бы они состоялись в феврале 2019 г., за него проголосовало бы от 30 до 32% избирателей, Чешскую пиратскую партию поддержало бы 16,5%, гражданских демократов (ГДП) – 15,2%⁵.

³ Bureš M , Volby do Evropského parlamentu vyhrálo hnutí ANO – <https://www.finance.cz/523764-vysledky-voleb-do-evropskeho-parlamentu/>

⁴ SANEP (Центр анализа и эмпирических исследований) – первый онлайн интернет-исследовательский центр по изучению общественного мнения в ЧР (<http://www.sanep.cz/o-projektu>).

⁵ Volby by v únoru ovládlo ANO, Piráti a ODS válčí o druhé místo II <https://tn.nova.cz/.../volby-by-v-unoru-ovladlo-ano-pirati-a...>

Чешские политические силы о членстве в НАТО

Для большинства чешских политических партий выход страны из НАТО является неприемлемым. Так, Чешская пиратская партия считает нецелесообразным проведение референдума по проблемам членства страны в НАТО. По мнению ее членов, выгоды от членства Чешской Республики в евро-атлантических институтах очевидны и перевешивают негативные моменты. Чешская Республика должна оставаться в НАТО и ЕС, отмечают гражданские демократы (ГДП) и представители движения «Старосты и независимые»¹.

В ТОП 09 полагают, что благодаря ЕС и НАТО страна живет в мире, безопасности и экономической стабильности. Однако недостаточно быть только членами этих международных организаций. ТОП 09 настаивает на активизации деятельности ЧР в их рамках, с тем чтобы заявить о себе как о конструктивном и надежном партнере².

Христианские демоноакраты (ХДС-ЧНП) считают, что Чешская Республика должна быть активным членом НАТО, а ее военные – принимать участие в формировании сил реагирования в Прибалтике³.

Однако в Чешской Республике существуют политические силы, выступающие против ее членства в НАТО и являющиеся сторонниками роспуска этой организации. К их числу относятся две партии, стоящие на противоположных сторонах политического спектра.

Парламентская Коммунистическая партия Чехии и Моравии (КПЧМ) настаивает на проведении референдума о выходе Чешской Республики из НАТО. Коммунисты также выступают против возможного размещения военнослужащих страны в составе сил Альянса на границах Евросоюза с Россией. Об этом заявила журналистам лидер пражской организации КПЧМ, депутат чешского высшего законодательного органа Марта Семелова. По словам политика, развертывание этих подразделений усиливает напряженность в отношениях между ЕС и РФ. «НАТО является военным блоком, который распространяет хаос и дестабилизирует различные регионы в мире», – подчеркнула Семелова⁴.

Чешских коммунистов в вопросе о референдуме поддерживает партия правого толка «Свобода и прямая демократия». Ее лидер Томио Окамура полагает, что если Чешская Республика будет способна защищаться самостоятельно, то ей не обязательно сохранять членство в НАТО и следует начать обсуждение вопроса о выходе из Североатлантического альянса. В настоящее время, по его

¹ Volby a EU: Má Česko dál zůstat v NATO a Evropské unii? <https://www.kurzy.cz/zpravy/435225-volby-a-eu-ma-cesko-dal-zustat-v-nato-a-evropske-unii/>

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Чешские коммунисты требуют провести референдум о выходе республики из НАТО <http://versii.com/news/353760/>

мнению, чешская армия способна защитить территорию лишь Центрально-Чешского региона, однако в случае военного конфликта всю страну без НАТО не отстоять. Поэтому он предлагает укрепить чешские вооруженные силы, ввести обязательную военную подготовку и предоставить гражданам лицензии на оружие⁵.

Для движения АНО2011 членство ЧР в НАТО является весьма важным фактором безопасности страны. Однако в рамках НАТО оно поддерживает идею так называемого Европейского клуба, где европейские члены НАТО будут решать те проблемы, которые не являются существенными для США и Канады. Это, прежде всего, миграционный кризис⁶.

Чешский деятель культуры, дипломат и политик Мартин Стропницкий также убежден в том, что Европе придется принимать на себя большую ответственность за собственную безопасность. Он полагает, что Чешская Республика сможет довести инвестиции в оборонный бюджет до 2% ВВП к 2030 г. При этом, напоминает М. Стропницкий, в конце президентства Барака Обамы увеличение финансирования и наращивание вооруженных сил НАТО в Европе уже не было «чисто символическим», а 80% бюджета Североатлантического альянса по-прежнему складывается из взносов США и Великобритании. Подавляющее большинство стран, включая Германию, не выполняет свои обязательства по внесению в бюджет Альянса 2% ВВП⁷.

На саммите лидеров стран – членов НАТО, проходившем в Брюсселе в июле 2018 г., вопрос о финансировании этой организации был центральным. Президент США Д. Трамп призвал всех увеличивать расходы на коллективную оборону с тем, чтобы в итоге довести их до 4% своего ВВП.

Комментируя итоги этого саммита, чешский премьер-министр А. Бабиш заявил об особой позиции своей страны в вопросе финансирования. «Чешская Республика не будет после состоявшегося саммита НАТО корректировать свои планы расходов на оборону в сторону их ускоренного увеличения», – заявил он. При этом премьер-министр пояснил, что поспешное увеличение расходов на оборону до 2% от ВВП Чехии привело бы к увеличению дефицита бюджета страны⁸.

⁵ Лидер чешских крайне правых продвигает идею выхода из НАТО... <https://politexpert.net/79276-lider-cheshskikh-krainepravykh-prodvigaet-ideyu-vykhoda-iz-nato>

⁶ Volby a EU: Má Česko dál zůstat v NATO a Evropské unii? <https://www.kurzy.cz/zpravy/435225-volby-a-eu-ma-cesko-dal-zustat-v-nato-a-evropske-ulbnii/>

⁷ Чехия, НАТО, Россия – «трамп перезагрузка»? <http://www.praguetrans.eu/news/chexiya-nato-rossiya-tramp-perezagruzka>

⁸ Премьер Чехии: Прага после саммита НАТО не будет усилить рост расходов на оборону <https://polit.info/412114-premier-chekhii-praga-posle-sammita-nato-ne-budet-uskoryat-rost-rashodov-na-oboronu>

Граждане о членстве Чешской Республики в НАТО – январь 2019 г.¹.

Центр по изучению общественного мнения Социологического института АН ЧР в январе 2019 г. провел опрос, в котором респондентам было предложено ответить на вопрос об удовлетворенности членством в НАТО: удовлетворены 18%, скорее удовлетворены 40%. 15% респондентов скорее недовольны и 7% чувствуют себя определенно недовольными. Оставшаяся пятая часть (20%) респондентов заявила, что не знает ответа на этот вопрос.

Членство в НАТО одобряют прежде всего мужчины (62% удовлетворены, 23% недовольны), меньше женщины (54% удовлетворены, 21% недовольны), среди женщин более высокая доля тех, кто выбрал ответ «я не знаю» (25% женщин, 15% мужчин). Кроме того, членством в НАТО удовлетворены молодые люди в возрасте до 30 лет, респонденты с высшим образованием, с более высоким уровнем жизни, политически правоориентированные.

Динамику отношения чешских граждан к членству в НАТО характеризует стабильность: доля тех, кто доволен членством в этой организации, существенно не менялась с 2014 г.

В ходе опроса 45% респондентов заявили, что НАТО является гарантом независимости Чешской Республики, та же доля респондентов (45%) имела противоположное мнение и утверждала, что членство в НАТО является формой подчинения ЧР иностранным державам. Примечательно, что в большинстве

предыдущих исследований, проведенных с 2000 г., мнение о членстве в НАТО как о форме зависимости значительно превалировало, а в 2019 г. доля сторонников обоих мнений сравнялась. Аналогичный результат был получен в 2009 и в 2011 гг., а также в 2018 г.

С утверждением о том, что «членство в НАТО обеспечивает мир и безопасность Чешской Республики» согласились более половины опрошенных (54%), а 37% – с тем, что «членство в НАТО увеличивает риск вовлечения Чешской Республики в военный конфликт». Достигнутые результаты сопоставимы с результатами исследования 2018 г. В долгосрочной перспективе, по мнению социологов, просматривается тенденция того, что абсолютное большинство чешских граждан будет видеть в членстве в НАТО гарантию мира и безопасности для страны.

63% респондентов считают НАТО гарантом мира и стабильности в Европе. 25% – склоняются к негативному восприятию роли этой организации и придерживаются мнения, что деятельность Альянса усиливает напряженность и неопределенность в Европе.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о наличии консенсуса между большинством политических сил Чехии и большей части граждан страны относительно значения и роли Североатлантического альянса как для Чехии, так и для Европы в целом. Важно отметить, что стабильность в оценках сохраняется как минимум на протяжении последних десяти лет.

¹ Tisková zpráva. N. Čadová. Občané o členství České republiky v NATO – leden 2019 https://cvvm.soc.cas.cz/media/com_form2content/documents/c2/a4821/f9/pm190207.pdf

Бюллетень публикуется Отделом проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик В.Г. Барановский
Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин
Д-р полит. наук Д.В. Ефременко
Д-р полит. наук А.И. Никитин
Канд. истор. наук А.В. Загорский
Главный редактор – канд. истор. наук Т.Г. Пархалина
Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

www адрес:

http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

всего выпусков: 67 (на конец 2018)

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-2172